

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ЭПОХУ КРИЗИСА

*Работа представлена кафедрой теоретической и прикладной культурологии
Санкт-Петербургского государственного университета.*

Статья посвящена малоизученной проблеме: толерантности к неопределенности. Актуализация данного вопроса происходит в кризисные периоды жизни социума. Кризисный период рассмотрен через концепт «культурная травма». Автор анализирует поведение ученого в условиях концлагеря. В итоге формулируются правила совладания с ситуацией неопределенности.

Ключевые слова: *толерантность к неопределенности, толерантная и интолерантная личность, феномен культурной травмы, кризис идентичности, процесс идентификации, совладание с неопределенностью.*

N. Kruglova

ACTUALISATION OF TOLERANCE FOR INDETERMINATION IN THE PERIOD OF CRISIS

The article is devoted to the poorly investigated problem: tolerance for indetermination. The actualisation of this question happens in crisis periods of social life. A crisis period is considered through the “cultural trauma” concept. The author analyses the behaviour of a scientist in the concentration camp conditions. As a result, the rules of coping with the situation of indetermination are formed.

Key words: *tolerance for indetermination, tolerant and intolerant person, phenomenon of a cultural trauma, crisis of identity, process of identification, coping with indetermination.*

Толерантность к неопределенности разработана в виде методики тестирования американском психологом С. Баднером (S. Budner, 1982) и рассматривается различными исследователями как *личностная черта*. Ее диагностика необходима в различных областях психологической деятельности, например при приеме на работу.

Человек, толерантный к неопределенности, может чувствовать себя относительно комфортно даже в ситуации высокой энтропии. Он способен продуктивно действовать в незнакомой обстановке и при недостатке информации часто берет на себя ответственность, способен принимать решения без долгих сомнений и

боязни неудачи. В непривычной ситуации он видит возможность *развития и проявления своих способностей и навыков*.

Если человек интолерантен к неопределенности, то он склонен воспринимать необычные сложные ситуации скорее как угрожающие, чем дающие новые возможности. Недостаток информации или ее двусмысленность создают такому человеку дискомфорт. Интолерантные к неопределенности люди лучше чувствуют себя в привычной, знакомой обстановке и предпочитают четкие формулировки, ясные цели и простые задачи. Основные источники интолерантности к неопределенности: *новизна проблемы, сложность проблемы и неразрешимость проблемы* [6, с. 273–274].

Необходимо подчеркнуть, что толерантность к чему-либо отличается от толерантности к кому-либо, и в этом случае толерантность к неопределенности, детерминированной социокультурным окружением, сродни толерантности, детерминированной природным окружением. Семантика термина *толерантность* выражает три пересекающихся значения: 1. Устойчивость, выносливость (в том числе к неблагоприятным факторам природной среды: холод, жара, шум, изменение светового режима, часовых поясов, и к ее катаклизмам, т. е. резким переменам: наводнение, засуха, землетрясение). 2. Терпимость. 3. Допуск, допустимое отклонение. Спектр перевода английского слова *tolerance* (в контексте психологических состояний человека) очень широк: приобретенная устойчивость, устойчивость к неопределенности, этническая устойчивость, предел устойчивости (выносливости) человека, устойчивость к стрессу, устойчивость к конфликтам, к поведенческим отклонениям [5, с. 6]. Безусловно, интолерантность к неопределенности может активизировать другие типы нетерпимости: к религиозным, расовым, этническим, культурным различиям.

В человеческом обществе ситуация кризиса, хаоса, революционного переворота, смены власти, разрушения привычного порядка приводит к изменению условий существования социального субъекта, актуализирует значимость толерантности к возникшей неопределенно-

сти как условия выживания. Цель данной статьи — проанализировать факторы, способствующие совладанию с ситуацией неопределенности, возникающей в кризисном социуме, а также различить поведение толерантной и интолерантной личности при таких условиях*.

Характеристика кризисного состояния социума наиболее полно и адекватно представлена в концепции «культурной травмы» современного польского социолога Петра Штомпки [7, с. 6–16]. Эвристический потенциал этой концепции еще до конца не использован, но примеры демонстрации ее объяснительных возможностей уже имеются [2, с. 88–95]. Список того, что может вызвать культурную травму обширен: 1. Революция (удавшаяся или нет), государственный переворот, уличные бунты. 2. Крах рынка, кризис фондовой биржи. 3. Радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т. п.). 4. Иностранная оккупация, колониальное завоевание. 5. Принудительная миграция или депортация. 6. Геноцид, истребление, массовые убийства. 7. Акты терроризма и насилия. 8. Религиозная реформация, новое религиозное пророчество. 9. Убийство президента, отставка высшего должностного лица. 10. Разоблачение коррупции, правительственный скандал. 11. Открытие секретных архивов и правды о прошлом. 12. Ревизия героических традиций нации. 13. Крах империи, проигранная война [7, с. 9].

Как видно из приведенного списка, многие, если не сказать почти все, указанные события присутствовали в истории России на протяжении всего XX в. и продолжают давать о себе знать и в веке XXI (имеются в виду последствия перестройки как культурной травмы, а также феномена глобализации и мирового финансового кризиса). В связи с этим тема толерантности к неопределенности приобретает особую актуальность в российском контексте. Однако именно в силу обширности по времени и интенсивности социокультурных изменений в России для данной статьи избран другой, более обозримый исторический эпизод: фашистский режим в Германии (1933–1945 гг.) и стратегии совладания с ним отдельных личностей.

Любые кризисные, переходные эпохи в истории культуры вызывают к жизни феномен поляризации людей (П. А. Сорокин), выражающийся в том, что кого-то изменения парализуют, тормозят, а кого-то активизируют. Во многом это разделение связано с тем, насколько человек может справиться с кризисом идентичности, вызванным резкими переменами. Понятие «кризис идентичности» Эрик Эриксон ввел во время Второй мировой войны, работая как врач с людьми, «потерявшими представление о самих себе и о последовательности событий... они утратили контроль над собой, который с точки зрения психоанализа обеспечивается лишь внутренней силой эго» [8, с. 26]. Но кризис идентичности возникает не только в результате внешнего, но и внутреннего кризиса. Опыт переживания внутреннего кризиса — основа для выживания при внешнем. Э. Эриксон рассматривает процесс обретения человеком зрелости через последовательные внутренние кризисы самоидентичности. Эти процессы — неустранимая часть жизни творческой, рефлектирующей личности, называемой А. Маслоу — самоактуализирующейся. Моменты перехода от одной личностной целостности к другой (внутренний, спонтанный процесс индивидуального взросления), знаменующие продвижение к новой стадии развития, являются, по Э. Эриксону, кризисами. Но это — не катастрофа, это — поворотный пункт, момент решения, выбора между личным прогрессом и регрессом, это — точка усиливающейся уязвимости, но одновременно и вырастающего потенциала. «Однако опыт преодоления спонтанных внутренних кризисов делает таких людей более устойчивыми перед лицом кризисов общественных, дает им более реалистичное видение ситуации, их интерпретации проходящего более адекватны, их поведение более терпимо. Нетерпимость к чему-то — конструктивна (в отличие от нетерпимости по отношению к кому-то), так как направлена на язвы большого общества, а не на людей — носителей этих язв» [3, с. 128–129].

Специфика идентификационных процессов у толерантной и интолерантной личности связана с психологическими характеристика-

ми. Известны и многократно опубликованы результаты работы известного английского психолога Герберта Оллпорта по выделению девяти основных черт личности — субъекта терпимости и одновременно черты нетерпимой (интолерантной) личности [9]. Эти характеристики создают два целостных портрета людей, абсолютно по-разному ориентированных в жизни, кардинально различно решающих свои проблемы и строящих свою идентичность. Безусловно, деление людей на толерантных и интолерантных — условно, но, как показывает список представленных черт, как толерантность, так и интолерантность являются следствиями базовых характеристик человека. Наиболее важные для данного рассмотрения черты — следующие. *Потребность в определенности.* К определенности социальной, национальной, религиозной, культурной и постоянству этой определенности тяготеет интолерантная личность, видя мир двуцветным, черно-белым. Напротив, толерантный человек признает мир многомерным, многоцветным и подвижным, и потому готов выслушать любую точку зрения, занять нейтральную позицию или воздержаться от суждения. Следующей чертой, напрямую связанной с ситуацией неопределенности и ее преодолением, является *ориентация на себя (в случае толерантной личности) или на других (интолерантная личность).* Интолерантная личность стремится примкнуть к значимой социальной общности. В своей принадлежности к партии, национальности, религии, профессиональной группе она находит безопасность и определенность, убеждения и мировоззрение, в которых так нуждается. Особую черту составляет *приверженность к порядку.* Выяснено, что интолерантная личность особенно ценит порядок внешний, порядок в вещах, чистоплотность, аккуратность, хорошие манеры, но самым важным для нее является, конечно, социальный порядок, незыблемость социальной иерархии. Для толерантной личности приоритетным является порядок в целях, мыслях, ценностях, в подлинности отношений с другими, и этот порядок подлежит постоянным пересмотрам. Такой порядок труднее предъявить, продемонстри-

ровать, но именно он первичен для ответственной, самостоятельной, творческой, критически мыслящей личности. Неразрывно связаны с указанными чертами являются *чувство защищенности* и *ответственность*. Толерантные люди чувствуют себя защищенными в мире и готовы нести ответственность за свои решения и поступки, интолерантные постоянно испытывают страх и незащищенность и не готовы нести ответственность ни за то, что происходит с ними, ни за то, что происходит вокруг них. Это подтверждает еще одна черта из списка Г. Оллпорта — склонность к авторитаризму у интолерантного человека и стремление жить в либерально-демократическом обществе у толерантного.

Таким образом, очевидно, что люди, устойчивые к неопределенности, существуют и вне кризисных эпох. Это творческие личности, предприниматели, различного рода инноваторы (в самом широком смысле) и многие другие, для которых ситуации неопределенности возникают в силу специфики их жизненных занятий и стратегий. Рассмотрим судьбу такого человека и его индивидуальный опыт совладания с подобной ситуацией, где главный герой — ученый — оказался в экстремальной ситуации фашистского концлагеря. Иными словами, в нашем случае творческая личность преодолевает ситуацию неопределенности в условиях кризиса социума. Обратимся в книге Бруно Беттельхейма — психоаналитика, представителя Венской психоаналитической школы [1]. Автор родился в 1903 г., после оккупации Австрии провел полтора года в концлагерях (Дахау и Бухенвальде), выпущен на свободу в 1939 г., иммигрировал в США.

Попав в концлагерь и чувствуя, что теряет рассудок от новой реальности, от постоянной надежды на скорое освобождение, на улучшение положения в лагере, ученый постарался прервать эмоциональный контакт с реальностью и превратить ее в объект своих научных наблюдений [1, № 2, с. 67]. Он придал особое значение своему пребыванию в лагере и превратил его: 1) в опыт изучения концлагерей, как системного режимного заведения для познания изменений личности заключенных под

воздействием такой экстремальной ситуации; 2) попытался понять этот опыт с целью объяснения режима тоталитаризма; 3) решил использовать его для поиска путей сохранения автономии личности в государстве. В дальнейшем у психоаналитика обозначится четвертая цель: разработка метода психологического восстановления травмированной детской личности.

Пребывание в лагере — это ситуация тотальной неопределенности — заключенные не знали, за что они попали в лагерь и на какой срок. Целью лагеря было разрушить личность, превратить заключенных в послушную массу, где невозможно ни индивидуальное, ни групповое сопротивление. Другой целью являлось устрашение остального населения, находящегося на свободе. «Инстинкт самосохранения подтолкнул меня к анализу. Желание наблюдать и пытаться придать смысл увиденному возникло спонтанно и стало средством убедить себя в том, что моя собственная жизнь еще имеет какое-то значение, что я еще не потерял те интересы, на которых раньше строилось мое самоуважение. А это, в свою очередь, помогло мне выжить в лагере. Для меня изучение — это защита. Новое отношение к окружающему (безэмоциональное) уберекло мою личность от разрушения. Я пытался защитить свою душу так, что если бы посчастливилось выйти из лагеря, то вернуться на свободу тем же человеком, каким был до заключения... Я делал что-то конструктивное и делал это независимо ни от кого. Постепенно ко мне вернулось мое самоуважение, и это обстоятельство само по себе со временем приобретало все большую ценность» [цит. по 1, № 2, с. 69, 71].

По наблюдениям Б. Беттельхейма, нацисты использовали три метода разрушения личности: 1) привить насильственно каждому заключенному психологию и поведение ребенка, т. е. вызвать эволюционную регрессию; 2) заставить заключенных подавить свою индивидуальность, чтобы все слились в аморфную массу; 3) разрушить способность человека к самополаганию, предвидению и, следовательно, его готовность к будущему. Это выражалось в деперсонализация всей лагерной жизни, унич-

тожении человеческой веры в будущее и способности прогнозировать. Другой способ разрушить веру и надежду заключенных в то, что они могут повлиять на свою судьбу, — лишить воли к жизни — резко менять условия их содержания (от комфорта и отдыха — к самой тяжелой работе в песчаном карьере и резкого уменьшения пищевого рациона, потом опять комфорт и отдых несколько месяцев — потом опять работа). Чешская группа, на которой проводили этот эксперимент, вся вымерла из-за неконтролируемости жизненных условий и полной непредсказуемости их.

Лагерная жизнь способствовала превращению заключенного в «мусульманина» — человека, который никогда уже ничего не делает по собственной воле. Свою волю иметь запрещено. Правило лагеря: «Не смей смотреть!» на то, как издеваются над другим, как его унижают, убивают, не смей оценивать то, что происходит, иначе эта участь тут же постигнет и тебя, и тоже на глазах у всех других, которых отучают от собственного анализа и отношения к происходящему. «Знать только разрешенное свойственно именно детям. Самостоятельное существование начинается со *способности наблюдать* и делать собственные выводы. Не видеть того, что важнее всего, не знать, когда хочется знать так много, — самое разрушительное для функционирования личности... Вынужденный отказ от способности наблюдать... ведет к отмиранию этой способности. «Наблюдать», «реагировать» было необходимо заблокировать в целях самосохранения. Но ведь если кто-то перестает наблюдать, реагировать и действовать, он прекращает жить, что и являлось целью СС» [цит. по: 1, № 2, с. 77].

В условиях лагеря ученый вывел для себя понятие «последняя черта». Последняя черта, которую нельзя переступать, даже если рискуешь жизнью, так как после перехода за эту черту ты уже будешь продолжать жизнь, потерявшую свое значение. Эта черта у всех разная и подвижная (!) и это не внешние вещи (служить в качестве капо или начальника блока), а глубокие убеждения, которых необходимо было придерживаться с крайним упорством! Это — оплот сильно съезжившейся, но все же челове-

ческой личности. Как уступать, чтобы выжить, показывает следующая история. Один из охранников СС, заметив, что двое евреев плохо работают, решил наказать их: заставил провинившихся выкопать яму и, вызвав из бригады польского заключенного по имени Стшаска, приказал закопать их. Стшаска отказался и не подчинился приказу даже после интенсивных побоев. Тогда охранник поменял условия наказания: приказал двоим евреям закопать Стшаску. Они тут же приступили к выполнению задания. Когда голова поляка уже скрывалась под землей, охранник вновь поменял условия экзекуции: приказал откопать Стшаску и дал ему команду закопать этих двоих. На этот раз он выполнил приказ.

Для вновь прибывшего в подобные условия психоаналитика оказались спасительными правила немца-коммуниста, имевшего внушительный стаж выживания в лагере: *делай то, что от тебя не требуют делать, потому что это надо делать для самого себя: есть, испражняться (когда только это возможно, чтобы следить за работой своего организма), отдыхать, разговаривать, читать, если это возможно. «Для выживания необходимо невзирая ни на что, овладеть некоторой свободой действия и свободой мысли, пусть даже незначительной. Две свободы — действия и бездействия — наши самые глубинные духовные потребности, в то время как поглощение и выделение, умственная активность и отдых — наиболее глубинные физиологические потребности. Даже незначительная, символическая возможность действовать или не действовать, но по своей воле (причем к духу и телу это относится в одинаковой мере) позволяла выжить мне и таким, как я... Те, кто выжили, поняли то, чего раньше не осознавали: они обладают последней, но, может быть, самой важной человеческой свободой — в любых обстоятельствах — *выбирать* — свое собственное отношение к происходящему (собственная интерпретация с целью овладения ситуацией) и собственные волевые действия. Приспособиться, чтобы выжить! Уступки врагу должны были сопровождаться внутренним усилением личности»* [цит. по: 1, № 2, с. 74, 77].

Вторую задачу исследования (как ведет себя остальное население на свободе) Бруно Беттельхейм выполнил, находясь уже на свободе. Здесь он обнаружил признаки поведения людей, нечувствительных к возникшей культурной травме, судорожно цепляющихся за старый порядок, отказывающихся видеть надвигающуюся угрозу. «Чем больше была угроза, тем сильнее они цеплялись за старый *распорядок, за накопленное имущество*. В этом источающем жизненные силы процессе уверенность в завтрашнем дне, державшаяся ранее на планировании жизни, постепенно заменялась иллюзией безопасности, которую давало им имущество. Опять-таки как *дети*, они отчаянно цеплялись за предметы, надеясь их тем смыслом, которого они более не видели в окружающей жизни. Постепенно отказываясь от борьбы за выживание, они все более и более сосредоточивались на этих мертвых предметах, шаг за шагом теряя свою личность» [цит. по: 1, № 5, с. 58]. Большинство польских евреев (как выяснил после войны автор), не веривших, что все останется по-прежнему, пережило Вторую мировую войну: они бросали все и бежали. Те, кто остался, не решился уехать (в Европу, в СССР) и продолжал вести обычную жизнь, пошли по пути распада и гибели. Их путь в газовую камеру был следствием философии бездействия. Это был последний шаг на пути несопротивления инстинкту смерти, который можно назвать иначе — принцип инерции (инерции мышления и инерции жизни).

Выход на свободу дал возможность ученому перейти к новой стадии творчества: конструированию терапевтической методики по восстановлению травмированной личности с использованием лагерных наблюдений. В 1944 г. Бруно Беттельхейм стал директором клиники для детей с нервными расстройствами (как результата репрессивной воспитательной тактики собственных родителей и недооценки отстающего уровня их развития воспитателями и педагогами) при Чикагском университете (Ортогеническая школа Сони Шенкман). Ученый разработал метод по восстановлению деформированной личности

ребенка, которая состоит из процедур, противоположных практике работы с заключенными в концлагере [4].

Организация школы: в школе обучалось и жило от 30 до 50 детей в возрасте от 6 до 14 лет. Дети разбиты на группы по 6–7 человек, где 3 воспитателя и 1 учитель. Принципы школы: 1. В школе каждый воспитанник может ложиться и вставать с постели в любое время. 2. Соревновательный принцип жизни и учебы — не для них! 3. Каждый может входить и выходить из школы в любое время. 4. Взрослым запрещается лезть в душу к ребенку. 5. В школе каждый может высказаться, когда захочет по любому поводу. 6. Принцип сверхобучения: шаг к следующему школьному материалу происходит тогда, когда предыдущий точно усвоен — сверхнадежность обучения. 7. Исключены любые контакты между родителями и учителями, их берет на себя директор школы — Б. Беттельхейм. 8. Режим обучения: 5 дней в неделю, 3 часа до обеда и 1,5 часа — после. Никаких домашних заданий, вся работа умственная — только в классе. 9. Организация «Сладкой комнаты». В школе каждый ребенок может ходить в «Сладкую комнату» когда захочет, есть там пирожные, конфеты, печенье — сколько захочет, может брать их с собой, есть в кровати под одеялом. Сладкая подпитка помогает растормозить детей, пробудить их активность. Порабощенные дети мстят торможением. Они замораживают, тормозят, блокируют все вокруг себя. Это — защита рабов и заключенных. Организаторы школы не боятся ожирения среди детей, так как когда ребенок выйдет из заторможенности, наберет самостоятельно активность и интерес к жизни, ожирение ликвидируется. 10. В школе каждый может пользоваться спортивным инвентарем и спортплощадками, когда и сколько хочет. 11. В школе каждого воспитанника уважают уже сейчас, таким, какой он есть, а не таким, каким станет в будущем.

Это Школа, где учатся жить. Ребенок строит свою личность самостоятельно, используя в качестве каркаса личность близкого ему взрослого человека, а в качестве цемента —

свои поступки. Поступки – это то, что делаем мы, и то, что делает нас! Так создается животворная среда этого заведения. Поступки и свобода – это терапевтические средства! Если тебя не заставляют чистить зубы, а ты делаешь это сам – это поступок! Список того, что не заставляли делать в концлагере: есть, спать, читать, чистить зубы – основа автономного, самостоятельного поведения. Автор заканчивает свою книгу следующими словами: «Во времена великих кризисов, внутренних и внешних революций в любых сферах жизни может случиться, что человек будет иметь только такой выбор: либо покончить с жизнью, либо

достичь высшей самоорганизации» [цит. по: 1, № 6, с. 101].

Итак, положение неопределенности – труднопереносимо. Оно преодолевается путем обретения *определенного* личного отношения к нему. Возникает интолерантность к ситуации: неопределенность побеждается посредством интерпретации человеком своего положения, выработки его позиции к реальности и оценки ее, личного к ней отношения и своих действий в связи с этим. Наряду с уникальностью рассмотренного эпизода в нем присутствуют универсальные правила поведения человека в эпоху кризиса.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Статья написана по материалам одноименного доклада, представленного на VII Международной научно-практической конференции «Толерантность и интолерантность в современном обществе: реальность и перспективы» 27–28 апреля 2009 г., г. Санкт-Петербург, СПбГУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беттельхейм Б.* Просвещенное сердце / пер. с англ. М. Максимова // Человек. 1992. № 2–6.
2. *Круглова Н. В.* Россия: судьба поколений // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2007. Вып. 3. С. 88–95.
3. *Круглова Н. В.* Толерантность и идентичность: ситуация в современной России // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2008. Вып. 2. С. 128–129.
4. *Максимов М.* Только любовь... Не мало ли? // Знание – сила. 1987. № 7. С. 71–92.
5. На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. М.: Смысл, 2000. 255 с.
6. *Почебут Л. Г.* Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 281 с.
7. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
8. *Эриксон Эр.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСЧ: Прогресс, 2006. 341 с.
9. *Allport G. W.* The Nature of Prejudice. Cambridge, MA Addison-Wesley, 1954.

REFERENCES

1. *Bettel'kheym B.* Prosveshchennoye serdtse / per. s angl. M. Maksimova // Chelovek. 1992. N 2–6.
2. *Kruglova N. V.* Rossiya: sud'ba pokoleniy // Vestnik SPbGU. Ser. 6. 2007. Vyp. 3. S. 88–95.
3. *Kruglova N. V.* Tolerantnost' i identichnost': situatsiya v sovremennoy Rossii // Vestnik SPbGU. Ser. 6. 2008. Vyp. 2. S. 128–129.
4. *Maksimov M.* Tol'ko lyubov'... Ne malo li? // Znaniye – sila. 1987. N 7. S. 71–92.
5. Na puti k tolerantnomu soznaniyu / отв. ред. А. Г. Асмолов. М.: Smysl, 2000. 255 с.
6. *Pochebut L. G.* Vzaimoponimaniye kul'tur. Metodologiya i metody etnicheskoy i kross-kul'turnoy psikhologii. Psikhologiya mezhetnicheskoy tolerantnosti: ucheb. posobiye. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2007. 281 s.
7. *Shtompka P.* Sotsial'noye izmeneniye kak travma // Sotsis. 2001. N 1. S. 6–16.
8. *Erikson Er.* Identichnost': yunost' i krizis. M.: Flinta: MPSCCh: Progress, 2006. 341 s.
9. *Allport G. W.* The Nature of Prejudice. Cambridge, MA Addison-Wesley, 1954.